

Елена Габова

Сказка выпускного бал

*Часть сборника
Самый романтичный выпускной
бал. Большая книга
историй о любви
для девочек (сборник)*

Елена Габова

Сказка выпускного бала

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5627021

Габова Е. Самый романтичный выпускной бал : Большая книга историй о любви для девочек :

Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-63674-7

Аннотация

Ее прозвали Вороной, да и сама Ника считала себя неуклюжей, некрасивой и незаметной. У всех в классе были пары, кто-то с кем-то встречался, ходил на свидания, а ей в подарок досталось одиночество. Но выпускной бал заставил девушку поверить в сказку. Ведь волшебство рядом с нами, а прекрасным принцем может оказаться и одноклассник...

Содержание

Вероника	4
Аким	10
Вероника	15
Аким	16
Вероника	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Габова

Сказка выпускного бала

Вероника

Жила-была ворона. Она любила всякие блестяшки: фантики, крышки от бутылок, флакончики от духов, ну а если найдет брошку со стеклышками – сердце ее замирало от счастья. Все эти драгоценности ворона утаскивала в свое жилище на старой высокой березе.

– Вот и ты, дочка, похожа на такую же ворону. Тебе нравится то, что блестит, все это ты готова унести в свое гнездышко...

Мама рассказала сказочку про ворону, когда мне было лет пять. Я всякий раз вспоминала про нее, когда перебирала в коробке из-под конфет свои нынешние «драгоценности»: серебряную цепочку, кулон из сердолика, брошь – то, что дарили мне на дни рождения родители или бабушка. Все это я хранила в обычной конфетной коробке. Конфеты съели, а вместо них в ячейки пластмассового вкладыша я клала украшения. По одному в каждую ячейку-гнездышко. Удобно!

Мама была права, говоря о похожести. Когда я была маленькая, в гостях выпрашивала у хозяев всякие блестящие пустячки вроде пластмассовых колечек, кулончиков, брелоков. Все с удовольствием уступали ребенку ненужные, неведь как попавшие в дом побрякушки. За всю мою последующую жизнь эта мелочовка растерялась, но одна побрякушка – нет, ее нельзя так назвать, это брелок – хранится у меня до сих пор. Он замечательный – маленький козлик из прозрачной пластмассы. Цепочка и кольцо для ключей на нем почти незаметны, а заметен вот этот козлик с крутыми рогами. Когда нажимаешь на его спинку, внутри переливается свет: красный, зеленый, голубой. И сразу вспоминается сказка «Серебряное копытце»¹, тот момент, когда из-под копытца лесного козла вылетают разноцветные драгоценные камушки.

Я его берегла. Он меня успокаивал в моих горестях: от пустяковых, вроде тройки за диктанты в младших классах, – до обидных, вроде записки Кати Стрекаловой о том, что они с Вилей Вельсом три раза ходили в кафе. Эта записка случилась всего неделю назад. Катя (она сидит за партой сзади меня) дала мне ее на физике. Толкнула в спину и дала. Я и так физику не люблю, а тут еще эта записка... До того мне на уроке стало муторно, хоть выбегай из класса. Вилей Вельс мне нравился, и об этом секрете знала только Катя Стрекалова. Я ей буквально за два дня до записки по секрету сказала. Настала очередь дежурить по классу, а моя соседка по парте Наташка Круглова заболела. Катя сидит одна. Вот классная Лилия и сказала, чтобы мы подежурили вместе.

После уроков, убрав класс, мы сели за Катину парту. Я люблю наш класс. Люблю цветы на подоконниках, люблю портреты великих биологов, которые вот уже третий год смотрят на нас со стен. А когда класс пустой, мне он еще больше нравится. Он наряжается в таинственность. Все наши дневные разговоры, споры на переменах, объяснения учителей никуда не деваются, а превращаются во что-то неизвестное науке и витают вокруг нас, сидящих в одиночестве в пустом классе.

Сидели мы с Катей, дышали этим неизвестным. Я никогда не была близка с этой девчонкой, мы вообще-то с Наташей дружим, но вот тут я проявила слабость и призналась, что мне нравится Вилей. Конечно, слабость! Можно сказать, раскрылась перед змеей. А разве она не змея? Ведь она прислала записку, уже зная, что мне нравится Вельс, чтобы я помучилась.

¹ «Серебряное копытце» – сказка Павла Бажова.

Вилька красивый. У него длиннющие ресницы и челка, закрывающая лоб. Я не понимаю, как парням удастся быть такими красавчиками. Ведь они не красятся. И еще он очень умный, даже физику знает на «отлично». Я перед отличниками по физике преклоняюсь. Потому что совершенно, совершенно не понимаю ее задачи – как их можно решить? Прочитав записку, в школе я как-то сдерживалась, а когда пришла домой, схватила свой талисман, нажала на спинку и разревелась. Посыпались из-под копытца разноцветные камушки. С недавнего времени мне стало казаться, что это мои горячие слезы.

Конечно, я понимала, что перспектив подружиться с Вилей у меня ноль. Да я вообще-то не сильно хотела! Мне он нравился как чудная картинка, и я мечтала о нем, как о журавле в небе. Понимала, что он недостижим. Я не понимала другого: зачем Кате записки писать про себя и него? И отдавать их именно тому, кому нравится Виля, то есть мне? Ответ напрашивался сам собой: чтобы сделать больно. Я и заплакала-то от обиды. Кто я такая? Кому могу понравиться? Никому.

В школе я написала ответ:

Рада за тебя, Катя.

И, не оборачиваясь, бросила через плечо перед Катиным носом.

Брелок в конфетной коробке не помещался. Лесной козел стоял на крошечных копытцах на подоконнике в моей комнате. Елисейка еще не мог до него дотянуться. Когда братишка подрастет, уберу талисман повыше. А если кто-то скажет, что это копеечная побрякушка, я обижусь и на ляпнувшего подобную чепуху долго буду коситься.

Когда мама увидела у меня коробку из-под конфет с моими нынешними «драгоценностями», она посмеялась и сказала, что я очень изобретательна:

– Ничего не скажешь, удобно – каждая вещь на своем месте. Но ведь смешно!

– Мне не смешно, – фыркнула я.

– Смотрится уж больно убого.

«Убого!» – сказала мама. Для женских украшений нужна красивая шкатулка, а не картонка из-под конфет. А мне нравится коробка. На ней изображены красные розы. Люблю розы. Даже просто нарисованные. К тому же конфеты мне подарили парни на 8 Марта. Каждой девчонке они что-то подарили на память в Международный женский день в этом, выпускном, классе. Мальчики повзрослели. Раньше они ничего не дарили. Так неужели я выброшу эту коробку? Пусть и пустую, без конфет, их мы всей семьей съели в тот же день. Да ни в жизнь не выброшу! Можно сказать, первый подарок от представителей другого пола. Мне она дороже всяких бриллиантовых шкатулок. Да, мама, да!

Когда мама рассказала мне, пятилетней, сказочку про ворону, я спросила:

– Мама, а ворона – моя сестра?

Мама засмеялась.

– Судя по тому, что любите одно и то же, вы сестры.

– А меня ведь и зовут как ворону – Вороника...

– Не Вороника, а Вероника. – Мама еще раз засмеялась и крепко-крепко меня обняла. – Вороненок ты мой глупый-глупый!

И я полюбила ворон, этих черно-серых птиц с треугольными клювами.

Места в детском саду для меня не нашлось, и каждый день мама отвозила меня к своей сестре Алине. Она не работала, и всем нравилось, что тетя Алина домохозяйка. Не только мужу тети Алины – всем удобно. Мне было хорошо у нее, она разрешала смотреть мультики, в отличие от мамы, и еще тетя Аля пекла вкусные пироги с брусникой и часто делала блинчики. Я ела их с рябиновым вареньем. Все со сметаной ели, а я выбирала варенье. Оно у меня

до сих пор любимое. Оно такое... необычное. Чуть-чуть с горчинкой. Чуть-чуть, и даже еще меньше, на такое маленькое количество даже слова не придумали. Если бы не двоюродный брат Ленька, я была бы готова ночевать у тети Али и даже вообще домой не возвращаться. Такая она была добрая, мягкая, почти пушистая. А вот Ленька мне сильно досаждал. Между мной и ним была огромная разница в возрасте, мне тогда так казалось – огромная. Мне пять – ему десять, мне шесть – ему одиннадцать, ну и так далее. Ленька называл меня «ворона». Сначала мне это нравилось, ведь я думала, что ворона моя сестра. А потом я поняла, что тут что-то не вполне хорошо. Что Ленька как-то противно меня называет. Слишком громко он каркает: «Вор-р-рона!» и слишком подчеркивает звук «р». За всякий промах, когда ругать надо, а не хвалить. Что-нибудь уроню – «Ворона». Что-нибудь скажу не так – опять обзывается, споткнусь о ковер – снова: «Ворона!» Наконец я поняла, что быть вороной, по мнению Леньки, очень плохо. И по мере того, как я росла, эта кличка становилась все обиднее. Он меня вообще достал, этот Ленька. Но что я с ним могла сделать – с большущим? У него были хитрые глаза, аккуратный школьный чубчик и вельветовые штаны. Почему-то Ленька любил вельветовые штаны. Наверное, тетя Аля покупала их потому, что они были дешевле других, а потом Ленька к ним привык. А что, классные же – не мнутя!

Зимой ближе к вечеру двоюродный брат тащил меня на прогулку. Даже если я не хотела. Тетя Аля сына поддерживала:

– Тебе, Ника, надо подышать свежим воздухом.

Естественно, гуляли мы с мальчишками. Встречались на деревянном мостике через овраг. Мальчишки – их было четверо или пятеро – показывали друг другу закачанные в телефоны клипы, фотки, слушали музыку. На телефонах музыка всегда была плоская – ненастоящая, слушать ее было скучно. Потом шли кататься на санках. Кто на круглых ледянках, кто – на обычных. Около дома тети Али был овраг, на который наступали многоэтажные дома. Перед оврагом многоэтажки резко тормозили – такие большие, просто огромные, они все-таки не могли перешагнуть овражек, и мне это казалось смешным, а овраг казался волшебным: он не пускал громадных стоглазых драконов к старым двухэтажным домишкам. На санки мы ложились пузом, и когда они набирали скорость, снежные брызги обдавали разгоряченные лица – вот было здорово! Ленькины друзья научили меня съезжать на животе. Прежде я съезжала на пятой точке – моя ровная спина была прислонена к железной спинке санок. Склоны у оврага неровные, катались не по всем, конечно, а по укатанным, наиболее удобным. И все равно мои санки всякий раз опрокидывались, а Ленькины приятели смеялись до слез. До моих слез, имею в виду. И был там один мальчишка, еще повреднее Леньки, он скатывался с противоположного края оврага именно в тот момент, когда начинала катиться я, и было страшно думать, что мы столкнемся. Я даже визжала, когда была маленькая, когда была еще Вороника. Кстати, мальчишкам Ленька так и говорил: «Ее зовут Вороника». И они меня так называли, а вредный Борька звал «вороненок». Но мы с ним ни разу не столкнулись, потому что, лежа на животе, оказывается, можно было санками управлять. И Борька отворачивал свои санки в последний момент. И смеялся, показывая мелкие и белые, как снежинки, зубы. Именно он научил меня кататься на животе, сняв с моих санок детскую спинку.

...И вот я выросла. Ленька тоже. Всякое было у нас с моим двоюродным братцем. Часто тетя Аля уходила по своим делам – в магазины, к подругам... И тогда я испытывала то, что в армии называлось дедовщиной. Ленька заставлял меня заваривать чай, чистить вельветовые брюки, если они были запачканы на коленках, прибираться в его раздутом школьном рюкзаке, в котором чего только не было! Кроме учебников и тетрадей – засохшие кусочки хлеба, шоколада, крошки от печенья, гвозди, булавки, детали от «Лего», проволока... Все это нужно было сортировать, вытряхивать рюкзак и складывать обратно учебники и тетради. С другой кучкой отсортированных вещей Ленька разбирался сам. Иногда кузену хотелось, чтобы я лаяла и мяукала. Приезжая домой от тети Али, я часто нажимала на спинку своего

талисмана, и мои слезы превращались в разноцветные камешки. Брать брелок с собой я не смела, знала, что Ленька отберет в тот же миг.

Он научил меня играть в карты. В подкидного я играю с пяти лет. А еще была такая игра, она называлась «Пьяница». Я всегда проигрывала, и Ленька больно бил меня по носу колодой карт. «Так всегда поступают с проигравшим», – объяснял он. И когда за мной заезжала мама, она удивлялась, почему у меня красный нос. И я не смела пищать и жаловаться, потому что с кем мне потом играть, если Леньку накажут и он на меня рассердится? А мне нравилось играть с ним, жестоким. И ему нравилось со мной. Когда было скучно, что ему оставалось делать? Играть со мной, мелкой. Тогда еще не были распространены компьютеры, и Интернет был не у всех, как сейчас.

А потом, когда компьютер появился – сначала у Леньки, потом у меня, – он научил меня с ним обращаться. Показал, как выходить в сеть на всякие сайты.

Когда Леньке было пятнадцать, а мне десять, он ездил на велосипеде на свидание с девочкой. Я – с ним, сидя на багажнике. Нет, у нас были не такие уж прекрасные отношения, что он брал меня на свидания, как верного друга. Просто я должна была отвозить обратно его велик. Велосипед был с рамой, я была мала закидывать на нее ногу, и мне приходилось ехать на нем враскоряку – одну ногу просовывать под раму. Было ужасно неудобно.

Теперь мне семнадцать, а Леньке – двадцать два, он заканчивает техникум. К нему приходят парни, и если в это время случается мне быть у маминой сестры, мне тоже хочется в Ленькину комнату – поинтересоваться, о чем они говорят, и послушать музыку с дисков. Но Ленька меня прогоняет.

– Иди отсюда, Ворона!

– Ты чего так с сестрой своей? – спросил в последний раз новоприбывший парень.

– Да прикинь – все время ко мне лезет! Влюбилась, что ли? Ворона – ворона и есть.

– Зачем же ты ее так называешь?

Два года назад я каталась на лыжах в лесу. На подъезде к городу увидела двух мальчишек, рассматривающих что-то черное на снегу. Один из них тыкал в это «что-то» лыжной палкой. Приблизившись, я поняла, что на снегу перед ними лежит раненая птица. Ворона. Она била одним крылом по снегу и передвигалась буквально на несколько сантиметров. Наверное, таким образом хотела уползти, спрятаться от изуверов. Второе ее крыло совсем не работало. В следующую минуту я увидела, как тот же пацан нацелил острие лыжной палки прямо в воронью грудь, где должно быть сердце. Не знаю, что со мной случилось, только я подкатила к нему стремительно, как ракета, и толкнула его вместе с его палкой.

– Не трогай! – заорала я.

Парнишка свалился в снег и забарахтался в сугробе.

– Ты чего-о? Ненормальная, да? – заорал он оттуда.

Я, с разгону пролетев нужное место, крикнула в ответ:

– Она живая, дурак!

Развернулась и покатила назад, к птице.

– Нет, ты правда ненормальная! Это же ворона! – Мальчишка поднялся и стал вытряхивать из рукавиц снег, с ненавистью глядя на меня. Второй его спутник стоял, разинув рот, не зная, что предпринять.

– Живая! – снова крикнула я.

Потом воткнула в снег лыжные палки и подняла раненую птицу. Глаза у нее уже покрывались синей пленкой. Но она была живая, я услышала слабый гортанный звук.

Я положила ее в свою лыжную шапочку и взяла с собой. Ничего эти парни мне не сделали, наверное, потому что были младше. Смотрели только вслед, вылупив глаза. Меня

трясло всю дорогу. Я шла с непокрытой головой до автобуса и от него до дома. Я даже простыла тогда.

Это же ворона! Ужасно! Не понимаю, как можно делить живых существ на людей, животных, птиц... Все живое испытывает боль. Вот того бы парня самого так – лыжной палкой, острием...

Я отвезла птицу к нам на станцию юннатов. Я хожу туда с пятого класса. Мы ее вылечили. Она до сих пор живет на станции, ворона Галя. И очень любит, когда дети, проходящие на станцию на экскурсию, разбрасывают блестящие конфетные обертки. Собирает их к себе в гнездо, которое устроила на ветках сухой березки, – деревце стоит у нас в зале, в углу. Его привезли из лесу специально для Гали.

Я почувствовала себя такой же раненой вороной, когда меня Ленька обозвал перед своими приятелями. Шла домой и глотала слезы от обиды.

Я вспоминала, как этот новоприбывший на меня поглядел – не то чтобы он меня пожалел, но взгляд у него был сочувственный. Теплый. Он такой невысокий, коренастый. Глаза большие, темные.

Не знаю, как его зовут.

Неужели он с Ленькой будет дружить?

Лучше бы со мной подружился.

Потому что, хотя мне и нравится Виля Вельс, я не прочь подружиться с любым парнем, ровесником или постарше. Потому что Виля мне нравится как красивый киноактер, я уже говорила, ну например, как Леонардо Ди Каприо. Я ведь не льщу себе надеждой, что Ди Каприо познакомится со мной и в меня влюбится.

На улице конец марта. Последний школьный снег тает со страшной силой. Почему снег «последний школьный»? Потому что скоро у нас последний звонок, выпускные экзамены. В июне – выпускной вечер. И все. Я закончу школу. В нашем классе все пронизано этими недалекими в будущем событиями. Ничего другого больше не существует. «Последний звонок», «ЕГЭ», «выпускной» – ключевые слова.

Я живу на шестом этаже. В нашем доме умудрилось поселиться пять человек из нашего класса. Двое вообще в нашем подъезде. Думаете, мы дружим? Нет. На пятом, прямо под нами, живет Папуас. Так мы прозвали Кольку Лемешева за то, что он почти в любую погоду ходит в школе в растянутых футболках и бандане. Только в самые крутые морозы переодевается в толстовку. Интересно, как он на выпускной вечер придет? Ему бы очень подошла юбочка из пальмовых листьев и перья на голове. А под Колькой Папуасом живет еще один одноклассник – Витек Кетов по прозвищу Кед. Он почему-то девчонок не любит и со мной даже не всегда здоровается. И везде говорит, что не существует любви. На двадцать третье февраля мы с девочками подарили ему книжку про любовь, так он разделался с ней как тузик с грелкой – всю изорвал и выкинул в урну. И снова сказал, что любви не существует. Он даже не сказал это, а продекламировал, как артист: «Любви нет, девки», только что на стул не вскарабкался. Мне его жаль.

Мы живем в районе новых многоэтажек. В их центре воткнута школа. Так что все одноклассники живут от нее буквально в двух шагах.

На улице установилась теплая погода, и мой балкончик открыт. Дорога, где грохочут машины, от нас далеко, мы в глубине двора, так что тут относительно тихо. И детских голосов не слышно – сейчас дети редко играют на воздухе. Мама рассказывала, что в детстве их с улицы трудно было загнать домой, а сейчас наоборот – попробуй кого-нибудь из дому выгони. Все прилипли к компьютерам.

И тут я услышала, как на балконе под нашим кто-то громко задышал. Жутко громко. Вздохи были неравномерные, больные. Я сидела за компом, просматривала сайт, посвященный ЕГЭ по русскому, – очень полезный, между прочим, и слушала это дыхание с огромным сочувствием к больному. Было жалко того, кто вышел подышать воздухом на балкон: легкие у человека, наверное, вообще дырявые. Кто бы это мог быть? Насколько я знала, старых людей там не проживало. Мама-папа Кольки Лемешева были на вид вполне здоровые. Может, бабушка из деревни приехала? Больной дышал таким образом очень долго. Иногда между вдохами проходила целая вечность. И было странно, что человек еще не умер там у себя на балконе. Я не выдержала, вышла наружу, перевесилась через перила и посмотрела на соседский балкон.

Ха-ха! Умирающий был не кто иной, как Колька Папуас. Нет, дышал не он, и даже вовсе не человек. Если бы в самом деле умирал Колька, стала бы я смеяться? Я бы вызвала «Скорую»! Папуас вообще был сильно здоровый. Никаким фитнесом не занимался – я точно знала, а бицепсы у него – ого-го! Как у тяжеловеса. А дышал так по-больному не он и вообще никто, как я уже сказала, а просто-напросто литровая бутылка из-под воды. Она курила. Да! Именно! Колька сделал в крышке отверстие, всунул туда сигарету, зажег ее и надавливал на бока бутылки. Господи, как будто он шестиклассник! Бутылка с шумом «выдыхала» воздух, и на кончике сигареты вспыхивал огонек. Потом Папуас силился округлить бутылку, но вдыхала она гораздо хуже, отсюда и «болезненное дыхание». Вообще, бутылке курить явно не нравилось. Колька разозлился и кинул неудачницу во двор вместе с сигаретой.

– Эй, Папуас! – крикнула я. – Бегом во двор, мусор поднимать!

– Ага! – воскликнул Колька, подняв на меня лохматую голову. – Разбежался! Сейчас! Прямо с балкона прыгну, ласточкой! Хочешь?

– Конечно, хочу, а как ты думал! Давай!

– Фига не хочешь, Дымова?

У него даже жаргон шестиклассника!

Да уж, поднимет он. Придется самой поднимать и в мусорный контейнер выбрасывать.

Аким

Когда я был маленький, я не думал, что мальчики и девочки чем-то друг от друга отличаются.

Я считал: если родители хотят, чтобы у них была девчонка, они просто надевают на ребенка платьице и не водят в парикмахерскую. А если хотят парнишку, то, наоборот, коротко стригут и надевают шорты.

Детский сад я не посещал. И однажды зашел домой с прогулки и заявил, что завтра я хочу быть девочкой, потому что Маринка со мной не играет, и попросил маму дать мне завтра платье, а как там дальше – посмотрим. Если мне понравится девочкой быть, так навсегда и останусь. И еще, добавил я, пусть меня зовут как-нибудь по-девчачьи, и я хотел бы называться вообще-то Машенькой.

И тут папа резво убежал в кухню и стал там беззвучно трястись от смеха, а мама сказала, что им не нужно никакой Машеньки, а нужен именно Аким Зимин, и никаких вообще платьев.

Тогда я тоже убежал в кухню и рядом со смеющимся папой стал горько плакать, потому что очень хотел играть с Маринкой, а она с мальчиками не дружила.

Когда мама рассказала мне эту историю из моего древнего детства, я хохотал. Потому что, понятное дело, сейчас-то я совсем не хочу быть девочкой. Правда, с некоторых пор мне хочется с кем-то из них дружить, как вот тогда с Маринкой, но это уже другая песня. Тогда мне хотелось дружить как девочка с девочкой, а теперь мне хочется тусить с девчонкой как нормальному парню. Я сейчас об этом вообще часто размышляю. И присматриваюсь к нашим девушкам в классе. На какую из них обращают внимание парни? Ну, во-первых, на Наташку Круглову. Но обращать сильное внимание на Круглову – занятие тупое. Наташка занята и вполне довольна судьбой: у них сложившаяся пара со Славкой Красильниковым. И мне совсем не хотелось эту пару разбивать, да я бы и не смог – не тот коленкор у меня: Славик – смуглый и высокий красавец, у меня же в плюсе только рост, а до красавца мне как до спутника Марса.

Обращают внимание на Катерину Стрекалову. Тоже симпатяга. Тоненькая, как тростинка. Но тоже занята, с Вилькой Вельсом стала тусоваться. Да что такое! Как девочка посимпатичнее, так на нее уже планы у парней.

И тут я увлекся киноискусством. Это случайно получилось: подсел на ретрофильмы. У мамы со школьных лет остались видеокассеты и старый видик. Однажды ей захотелось вспомнить юность, и она поставила «Сто дней после детства». И я совершенно случайно присоседился к маме на диванчик. Картина была в кайф, такая красивая, реально *художественная*. И про любовь, а говорили, в Советском Союзе фильмы про подростковую любовь не снимали. Вот неправда! И я стал крутить все подряд, что у мамы было: «Доживем до понедельника», «Розыгрыш», «Чужие письма». Классные же киношки! Сильно наивные, но это пусть. Я пожалел, что современных фильмов про наш возраст не снимают. В кинотеатрах их нет. Фильмы по телику идут про милицию-полицию-тюрьму, как будто общество разделилось на сыщиков и преступников и других категорий людей больше не существует. А ведь это лажа! Среди моих знакомых взрослых нет ни одного сыщика или бандита. Еще по телику крутили сильно запутанные любовные сериалы, в которых кто-то обязательно кому-то изменял: жена – мужу или наоборот. Меня это тоже не прельщало. Как будто нормальной семьи не бывает! Наша – пример, не надо далеко бегать. Образцовая вообще семейка. Папенций до сих пор маму на руках носит.

Современный ящик – отстой полный.

Мне в кайф все про свой возраст: книги, фильмы, рэп. Я не люблю энциклопедии и познавательные книги – ну, я их, конечно, просматриваю, но они меня не увлекают так, как нашего Митьку Алешина, который в них потонул, одна макушка торчит. Может быть, я инфантильный какой, но, по моему мнению, я – в норме, без отклонений. Ну вот. Я посмотрел мамину киноколлекцию и удивился, какие же фильмы классные делались в советское время. Почему же про нынешних ребят ничего не снимают? Что, ребята стали хуже? Да нет же, мы стали лучше, и жизнь у нас как-то порезвее: мобильники, иномарки, компьютеры, заграница... Я стал искать фильмы в онлайн про наш возраст и нашел только один – «КостяНика». Только один, прикиньте! А потом мне попался снова старый фильм – «Вам и не снилось». Мне и не снилось, что эти два фильма меня изменят и решат мою дальнейшую судьбу. Особенно «Вам и не снилось» меня добил.

Герой фильма Ромка оставил однокласснице Тане магнитофонную запись, и она слушает его голос: «Слепуха моя, как хорошо, что ты маленькая». Ромкина девчонка была самая крошечная в классе, а еще она носила тупые очки. И вообще героиня фильма, по моему мнению, была так себе девушкой. А Ромка на нее запал. И меня вдруг пронзила мысль – именно пронзила, навывлет, как стрела: почему я, Аким Зимин, и другие парни обращаем внимание только на симпатичных девчонок? И говорим между собой только о таких, а незаметных не замечаем. Конечно, их потому и не замечают, что они незаметные. Но ведь они тоже люди и тоже ждут внимания! Почему до этого никто не додумался?

Перед сном, когда в голову лезут самые важные за день мысли, я стал думать о фильме и вспоминать одноклассниц. Начал с первой парты. Вспоминал девчоночье личико и размышлял: красивая эта девушка или нет? Я вдруг решил с кем-нибудь из девчонок зафрендить, но выбор свой остановить на той однокласснице, которая была для всех незаметна. Словом, мне захотелось проявить благородство и осчастливить дружбой с собой некрасивую девушку.

Первая парта у окна в нашем классе свободная.

На второй сидит та самая Наташка Круглова.

Наташка почему-то всегда вспоминается первой, даже и парта ни при чем. Чуть что – сразу думаешь о Наташке, звезде первой величины. Какая у нее шея! Просто лебединая. А глаза? Прочь, видение, прочь, она сейчас побоку...

Далее идет Катя Стрекалова... О ней мы уже упоминали. Гоним дальше...

Вот длинная нескладная Геля Титова. Боевая девчонка, и парни ее уважают. А на дискотеках Геля всегда в тени. С девчонками не танцует, а парни не приглашают. Наверно, потому, что нескладная, фигура у нее совсем еще подростковая, одни углы. Нам, парням, это как-то не в кайф... Личико у Гели обычное, круглое, глаза небольшие, нос чуть широковат. Непримечательное лицо, но разве Геля в этом виновата? А ведь нормальная девчонка, что ни попросишь – сделает. Сколько раз ребята просили ее подежурить вместо них – она хоть раз отказала? И меня, было дело, выручала. У кого есть запасная ручка? Всегда у Гели. У кого можно телефон выклянчить и попросить позвонить, если свой дома забыл? У нее.

Далее скажем... Саша Пеночкина и Надя Воробьева. О, у подруг даже фамилии птички, только сейчас заметил. Саша хорошенькая, она Митьке Алешину нравится, нашему супермену-книжнику. Так что оставим будущую пару в покое. Надя... О ней мне думать не хочется. Она толстая. Я понимаю, она не виновата в этом. А может, и виновата? Может, кушает много? Но даже и не это главное, Надька – жуткая язва. Попади к ней на язычок – мало не покажется: съест. (И еще больше растолстеет, ха-ха!) Так, мимо, мимо, по течению...

Лада Данилова. Маленького роста, как Таня в фильме «Вам и не снилось». Носик у нее остренький, ножки мускулистые, голосок как у птички: «Пи-пи-пи, чик-чи-рик...» Мимо, мимо... Эля Устинова. Худая как щепка, с бледным, в веснушках, лицом. С причудами. Посреди любого урока вдруг как заревет и резво выскочит из класса. Может, у нее дома что-то не ладится? Надо бы у девчонок поспрашивать... Лизка Звездина. Плоская как доска.

Я «прошелся» по всем девчонкам и понял, что в нашем классе незаметных гораздо больше, чем тех, о которых говорят парни, с кем дружат, кого приглашают на дискотеках. Больше, оказывается, их – незаметных! Вот так!

Решимость подружиться с незаметной девчонкой во мне укрепилась. Пусть хоть одна из таких незаметных будет счастлива. Я точно смогу ее осчастливить. Я хороший! (И скромный, а как же!) Не отличник и не спортсмен, хотя спорт люблю. Но я парень. И хочу дружить с девушкой. Время пришло. А о том, что все девчонки на свете мечтают подружиться с каким-нибудь мачо, мы с парнями еще в восьмом классе в бурных спорах выяснили.

Всех перебрал? Никого не забыл? Стоп! А Наташка-то с кем сидит? С Вероникой Дымовой. С красавицей? Нет. Незаметной? Да! Вот ведь, пропустил. Наташка потому что всех затмевает. Итак, Дымова. Невысокая. Небольшой носик, губы яркие. Глаза... глаза, кажется, голубые? Или зеленые? Нет, я не знаю, какие у Вероники глаза. Парни не обращают на нее внимания. Может, и зря. Правда, Вероничка сама виновата: до сих пор волосы в косы заплетает и цепляет их по бокам головы. Этакие еловые шишки... Несовременно. Может, эта привычка отбрасывает Нику за барьер привлекательности.

Она умная, особенно от биологии тащится. Со всякими пестиками-тычинками возится. Для меня, например, безразлично – есть в нашем классе цветы на подоконниках или нет. Я их не замечаю. А она ткнет пальцем землю в горшке: «Ах, пустыня!» – и бегом поливать. Не только в нашем классе – в любом помещении. Чужих цветов для нее не существует. У нее для этого заготовлена в рюкзаке пластиковая бутылка из-под воды. Кран в каждом классе есть. Наберет воды: буль-буль, пей, цветочек! Кажется, она до сих пор бежит на станцию юннатов – в ее-то годы! Что поделаешь – страсть. Я вот, например, люблю машины и не могу же их разлюбить только потому, что мне восемнадцать стукнуло. Наоборот! Сейчас-то и наступает время практической к ним любви! Жду не дожусь, когда мне купят какой-нибудь драндулет. Папенций обещал.

На следующий день я зашел в класс и сразу посмотрел на Дымову. Она сидела на своем месте и зубрила физику. Ушки с шишками прикрыла ладонями, чтобы не мешал окружающий шумный мир. И вдруг... гля, ребята, да она – симпатяга! Точняк! Или мне показалось? Цвет лица красивый. А глаза? Какого цвета глаза? Дымова, подыми глазки... покажи личико... Не поддается гипнозу. Ладно, потом гляну, куда торопиться? А то, что симпатяга, – да точно! Куда мы с парнями раньше смотрели? А ведь я обещал самому себе, что выберу незаметную девушку – не уродину, конечно, не такой уж я извращенец, но несимпатичную, по крайней мере. Что ж, значит, Вероничка Дымова мне не подходит? Но менять объект уже как-то не хочется – я уже к Дымовой привык, то есть я привык к мысли о ней. О'кей, я за Никой несколько дней понаблюдаю. Ну а там – «будем посмотреть», как говорит папенций.

В первый день я ничего не понял. Но выяснил, что глаза у нее точно голубые. Ярко-голубые. Весенне-голубые. А все остальное до того обычное, внимания не на чем остановить. Вот она судачит с одноклассницами. Улыбаясь, что-то рассказывает, почти не жестикулируя. На ней безрукавка поверх тонкого белого джемпера, руки она прячет под безрукавку у плеч. Мерзнет, что ли? Кровь плохо греет? Когда другие девчонки над чем-то смеялись, она улыбалась. Хорошо! Я не люблю хохотушек. Отчего-то не люблю, да и все. Мне нравится сдержанный нордический характер. Наверно, потому что сам смеюсь за двоих.

На последней перемене я хотел подойти к Нике, пригласить в кино или погулять просто так. На улице – хорошая, добрая, без слез, то бишь дождя, весна. Снег весь утек. Поскакали бы в парк, зашли бы в кафешку... Я ходил кругами и квадратами вокруг Дымовой и не посмел пригласить. Вдруг меня робость сковала. Никогда не был робким, и вдруг... Мне вот что пришло в голову: а что она подумает? Ни с того ни с сего – Зимин в кино приглашает... Да с ходу откажет! Еще и ногой топнет: «Нет!» Терпеть не могу, когда отказывают. Я заду-

мался: а хочу ли я ее пригласить? Хочу? Серьезно? Да нет же у меня особого желания! А что парни подумают? Ни с того ни с сего Дымку в киношку зовет. Что это с Зимой? Ладно, повременю. Поработаю наблюдателем... Мой объект (субъект правильнее) прямо по курсу – я на последней парте сiju. Далеко гляжу... «Субъект Дымова» – смешно. «Шпион Зимин» – еще смешнее!

...За дни наблюдений я вдруг открыл, что эта девчонка удивительно следит за собой. Потому удивительно, что эта аккуратность раньше никогда не бросалась в глаза. У нее с собой всегда белый носовой платочек. С кружавчиками по краям. Чистюля, блин! Я в столовой видел и сегодня, и вчера, и позавчера. Черт, а это как-то привлекает внимание. У девчонок платочек вроде бы всегда должен присутствовать, но у других я не видел, чесслово. В столовой девчонки влажными салфетками пользовались. У Дымовой светлые джемпера, а если кофточки под безрукавками, то тоже белые. Безрукавок было две. Одна с узорами синяя – под цвет глаз, другая – в красно-белую узкую полоску. Я, конечно, не очень-то в шмотках разбираюсь, но понял, что Дымова одевается со вкусом.

На парней она – ноль внимания. По-моему, они для нее вообще не существуют. Это нужно как-то менять. Да что такое! Ведь нам по семнадцать! Пардон, мне уже восемнадцать, я в школу с семи лет пошел. Я вообще самый из всех старший, и даже старый. Поэтому в институт мне нужно обязательно в этот год пробиваться. Как-то не хочется со школьной скамьи сразу в армию прыгать.

...Я улыбнулся Дымовой на перемене. Встретил в коридоре и изобразил улыбку. Да еще и подмигнул! Она удивленно вскинула глаза: в чем дело? Да, точно, я снова заметил: голубые! Резко голубые! Резко яркие. Она не улыбнулась в ответ, увела взгляд в сторону. Интересно, что при этом подумала? Да ничего она не подумала! Я для нее – пустое место! Как-то это меня даже задело. Как раз мимо меня прошли Наташка со Славиком. Они из буфета возвращались, всегда туда вместе бегают, как семейная пара. У подоконника о чем-то болтали Виля с Катей Стрекаловой. В классе склонились над общим учебником Вадим Разманов с Викой Тирановой. И так мне захотелось с кем-нибудь в буфет вместе бегать, у подоконника болтать, книжку читать общую – я аж зубами заскрипел.

Сидя на последней парте, удобно наблюдать за всеми. Раньше, когда Нику вызывали к доске, я и не думал ее слушать, а теперь стал интересоваться. И что? Вероника отвечала негромко, иной раз приходилось локатор в ее сторону поворачивать, чтобы услышать.

Ответ как ответ. Все правильно, как в учебнике. Никаких своих слов, своих мыслей, эмоций.

Я даже стал думать, что выбрал не тот субъект. Скучная какая-то девушка. Скучная и правильная. Я сильно правильных не люблю. Потому что сам не очень правильный. Не очень серьезный. Часто хихикаю. От учителей я слышу чаще всего просьбу: «Аким! Будь серьезней!» Люблю разные приколы. Если учительница по ли-тре просит прочесть «Старуху Изергиль» Горького, могу спросить: «Из чего старуха?» Я люблю, чтобы ребята поржали... Да, снова о Дымовой. Чтобы оправдать свое отступление от этого «субъекта», я даже решил, что она недостаточно незаметна. А как распустит волосы по плечам, становится вообще резко привлекательной. Может быть, даже красивой. Я обрадовался, что не пригласил ее в кино.

И на всякий случай стал приглядываться к другим девчонкам в классе.

Но... ни к Лизке Звездиной, плоской как доска, ни к Ладе Даниловой с мускулистыми ногами меня ну никак не тянуло. Да, они супернезаметные, и если я поставил себе целью подружиться с такой – вот же, дружись, осчастливливай! Но ни малейшего желания не было. Я предательски отворачивался и от Лизы, и от Лады.

А может, я просто схитрил? И выбрал себе все же симпатичную девушку? Ладно, может, Ника и симпатичная (почему же этого тогда никто не видит?), главное, что я к ней

уже не совсем равнодушен. Но еще не влюблен. Наверное, нельзя заставить себя влюбиться. Это должно произойти не просто так. Должна быть вспышка!

Вероника

Я никогда не смотрюсь в зеркало. Почему? Не знаю. А, вот почему, вспомнила! Это опять же из глубокого детства. Раньше, стоило мне подойти к зеркалу, чтобы посмотреться, тут же за моей спиной, как чертик, вырастал Ленька и начинал кривляться:

– Краштивная, краштивная...

Он нарочно шепелявил, чтобы я лучше поняла, какая я на самом деле «красивая».

Я сразу краснела и отходила. Мне становилось стыдно, что я решила на себя полюбоваться. И это Ленькино шепелявое «краштивная» говорило о том, что мне ли любоваться собой? Надо было понимать наоборот: ты – уродина, и любоваться смешно.

Так что меня от зеркала двоюродный братец отучил. Теперь я к нему вообще не подхожу. К зеркалу, не к Леньке. Да и к Леньке тоже. Зачем он мне нужен? А зеркало нужно, конечно, но теперь мы с ним антагонисты. Так, где-нибудь мельком в школе гляну на себя и только расстроюсь. Ничего особенного во мне нет. Абсолютно. Лицо как лицо. Ленька недаром всегда издевательски смеялся.

Вот Наташка Круглова из нашего класса – да-а! Красавица. Волосы светло-русые, даже какие-то серебряные, ну необычного цвета, неземного, я бы сказала. А глаза у нее как тополиные листья, зеленые и большущие. Так и хочется в них смотреть и смотреть. Славка Кра- сильников так и делает – смотрит в них, смотрит, скоро совсем в Наташкиных глазах потонет. Он в Наташку, понятное дело, влюблен. В нее все влюблены. Мальчишки даже свой рок-оркестр так назвали – «НАТАША». Прикольно? Нет, хорошо, мне нравится. Потому что красота спасет мир, как говорил далекий классик.

А я – так себе. Кто в меня влюбится-то? В уточку серую.

Кстати сказать, Наташа – моя подруга, и мы сидим за партой вместе вот уже третий год.

На улице апрель. Солнце греет как сумасшедшее. Куртку приходится расстегивать, когда возвращаешься из школы домой. Когда в школу идешь – наоборот, съезживаешься, как почка на дереве, дуба даешь. А после школы дело другое: весь открываешься, расширяешься (тела от тепла расширяются – на физике учили), хочется петь, смеяться, тормозить кого-нибудь, а еще хочется познакомиться с парнем. Пусть даже взрослым. И чтобы мы с ним гуляли, ходили везде вместе и потом – да-да! – влюбились друг в друга.

По выходным, когда меня не забирают в деревню работать на огороде, я хожу по городу и ищу такого парня.

Просто хожу и ищу, смотрю на всех встречных парней и иногда ловлю на себе удивленный взгляд: чего ты на меня вытаращилась?

У меня не получается найти. Да сейчас долго и не разгуляешься: скоро ЕГЭ. Готовлюсь. Нас уже всех запугали этим ЕГЭ. После уроков почти каждый день консультации.

А в нашем классе интересных парней нет. Все маленькие. Я не рост имею в виду. По росту-то они все ого-го – вышки! Какие-то они инфантильные. Дети.

Один на меня сегодня поглядел. Улыбнулся и подмигнул ни с того ни с сего. Ну что тут скажешь? Ребенок!

Аким

Вспышки все не было и не было.

Я уже совсем было хотел махнуть на Веронику рукой и присмотреть себе другую девицу. Если ни на грамм к Дымовой не тянуло, не было даже крошечной искры зажигания. Но тут произошел один случай.

Выпускников пригласили на концерт, посвященный Дню Победы, в районный Дом культуры. Понятно, какой там был настрой: праздничный и еще патриотичный. Ну, я последнего слова не люблю, потому что это чувство и так понятно, без слов. Невозможно было без сочувствия смотреть на старых ветеранов, когда им дарили очередные медали, подарки и цветы. Каждый из них, выходя на сцену, пытался приободриться, но, как они ни пыжились, время все равно выплывало на их лицах, выпирало из всех костюмов. Одного старичка я знал, у него нога на протезе, он всегда хромал, когда шел по улице с палкой. А тут вышел – сам как трухлявое дерево, а не хромал и палку где-то в кулисах спрятал! Представляю, чего ему это стоило. Вся грудь в орденах, и ему еще какую-то медаль прицепили. И еще одна женщина запомнилась – восемьдесят восемь лет, маленькая, сухонькая, как жухлый осенний лист, а частушки горланила так, что всем захотелось пуститься в пляс.

Песни на концерте пели не только про войну, но и про весну, про любовь. Да про войну-то ветеранам, наверное, уже тошно слушать. Наслушались, надышались в молодости и вообще. Ненавижу я эту войну. А в детстве любил всяких солдатиков, трансформеров с накачанными бицепсами, с пистолетами-автоматами в лапах. Ну вот. Песни, танцы, ордена... Ника сидит в десятом ряду с девчонками, а я – в одиннадцатом с парнями.

Один ветеран, участвовавший в войне совсем пацаном, был поэтом. Он прочел свои стихи. Но так как и он был уже сильно в годах, ему разрешили прочесть их не со сцены, а с места. Он сидел в первом ряду, а как дали слово, поднялся, взял микрофон, повернулся лицом к залу и прочел. Стихи классные. Личные и в то же время о Родине. От таких стихов больше тащишься, чем когда просто о Родине пишут. Поэт-ветеран отдал микрофон ведущей, а сам остался стоять, повернулся только лицом к сцене – там уже танец исполняли. Поэт был горбатый, седые волнистые волосы спадали на плечи. Он был даже чуть-чуть симпатичный, хотя все эти старики такие древние, что симпатичными их уже трудно назвать. Сморщенные, как печеные яблоки. Поэт стоял. Голова у него тряслась. Никто не понимал, чего он, думали – ну так удобней, стоит и стоит, уже внимание на него никто не обращает, а я смотрю, и мне жутко не в кайф. Хотелось подойти к нему и посадить в кресло. Мне казалось, что ему просто трудно сесть. Но я трусил. Ведь сидел в одиннадцатом ряду и надо было пройти ползала – и все на тебя будут пялиться как на дурака и думать: зачем ты идешь, зачем встал, кто ты такой вообще и что у тебя на уме?

И вот, пока я так своим кочаном думал, с десятого ряда поднялась Вероника и направилась к этому деду. Прошла через весь зал, и все на нее смотрели, в точности как я себе представлял. Подошла к старику, улыбнулась, взяла его за обе руки и усадила на место.

И зал вздохнул облегченно. Оказывается, все, глядя на него, испытывали неловкость, не только я. А Ника спокойно пошла на свое место, и теперь на нее смотрели не как на дурочку, а как на человека, исполнившего свой долг.

Дымова поднялась в моих глазах. Я смотрел на нее с сильно возросшим уважением, когда она возвращалась в свой десятый.

Вероника

Концерт был неплохой, даже нам понравился (нам попробуй угоди!), а ветеранам-то уж конечно, они от всякого к ним внимания просто млеют, потому что внимания уже мало осталось. У всех своя жизнь, никому до них в будние дни и дела нет, а у них свои мысли и воспоминания.

Один старичок после того, как рассказал у сцены стихи, не мог сесть на свое место в первом ряду. И было страшно неудобно смотреть, как он стоит с трясущейся седой головой. Я все надеялась, что соседи по ряду помогут ему. Но никто не проявлял инициативы. Наверное, все думали, что ему и так хорошо. А я же видела, что ему неудобно. А мне идти через весь зал, мы в десятом ряду сидели. Я так и не дождалась, что ему кто-то поможет, и, дрожа от страха, поднялась, прошла к нему через весь зал и посадила. И сразу все успокоились, по залу вздох облегчения прошелестел. А когда я садилась на свое место, то встретила взглядом со своим одноклассником Акимом – он смотрел на меня... как бы это сказать. Не с восхищением, конечно, чем тут восхищаться, а с благодарностью, что ли. Как будто он сам хотел то же самое сделать, но я его опередила, и он меня за это благодарил взглядом. Вообще я уже несколько раз встречала в классе взгляды этого парня. Кимка обыкновенный. Высокий, любит на уроках похохмить. Больше ничего не могу о нем сказать. Но все-таки было странно, что он на меня посмотрел. Странно и... приятно. Ну, все, конечно, на меня смотрят, никто парням не запрещал, но все так – скользнут взглядом, и все. Это длится какое-то мгновение. А Зимин не мгновение, а долго на меня пялился. Может быть, мне показалось?

Поздним вечером в субботу мы поехали на дачу. Она у нас в заброшенной деревне. Конечно, нужно было готовиться к экзаменам, но мама сказала, что хорошо бы мне поменять обстановку, если я все время буду зубрить, то просто свихнусь.

– И вообще, Ника, посадочный сезон. Каждый должен поработать на грядках. Хоть немножко. Бабушка уже там целую неделю пашет, надо помочь.

Весна в полном цвету. Земля просохла. На клумбе около деревенского дома выпустил стрелу первый нарцисс. Желтый пухлый острый наконечник стрелы пронзил землю, нацелился в небо. Сквозь полупрозрачные стенки наконечника угадывается прекрасный цветок. Вот-вот он раскроет сердце. Нарциссы всегда распускаются ко Дню Победы. А следом за ними – тюльпаны. Как я люблю цветы!

Но главное – зацвела черемуха! Это такая прелесть, что не передать словами. Вся деревня потонула в белом цвету. И так его много, на деревьях – целые душистые сугробы, а если по отдельности цветов рассматривать – это удлиненный ажурный фонарик, состоящий из еще более мелких цветочков. И запах... сладкий и в то же время терпкий, который ни с чем не спутаешь. По-английски черемуха называется *birdcherry* – птичья вишня, вот она такая же красивая, как вишня, а цветет, может быть, еще и лучше. Ну так вот, сейчас нас окружает белая кипень черемухи, над нами летают белые чайки – рядом с нашим домом река, – и плывут по небу белые облака. Просто рай!

Я привезла в клетке ворону Галю. Что-то затосковала птица на нашей юннатской станции. Сядет на подоконник и грустит. Иногда клювом по стеклу тактично постучит: «Тук-тук! Пустите!» Мы с руководительницей Тamarой Георгиевной посоветовались и решили, что если Галя хочет улететь на волю – так тому и быть. Пусть живет на свободе, а не на засохшей березке в юннатском зале.

Выпускали Галю с Елисейкой. Это было так. Поставили клетку на землю. Открыли. Галя подошла к дверце, высунула голову и, казалось, принялась, хотя я не знаю – как там у птиц с нюхом. Но ведь цвела черемуха! Мне показалось, Гале тоже понравился запах.

Она ступила на землю раз, другой, посверлила нас с Елисейкой черным блестящим глазом, замахала крыльями и взлетела.

– Пока, Галя! – закричала я. – Не забывай своих!

– Типка, типка! Пока! – закричал вслед за мной Елисейка и восторженно захлопал в ладоши. – Улетела!

Всех птичек брат называет «типками».

Галя, то опускаясь, то поднимаясь, неуклюже летела над землей, осторожно испытывая свои вороньи силы. Иногда ее заносило то вправо, то влево. Ей приходилось вспоминать, что она – птица. Да и то сказать: удивительно, как она вообще не стала инвалидкой после того, как над ней поизмывались мальчишки с лыжными палками. Поняв, что с крыльями у нее все в порядке, ворона взлетела на верхушку высокой цветущей черемухи и оттуда что-то радостно прокаркала. Может быть, «спасибо»?

– Пожалуйста! – на всякий случай крикнула я.

Я люблю бывать в деревне Волки. Да, так она называется. Наверное, в прошлом тут водилось множество волков. Недалеко от нашего дома река. С другой стороны холмы, с третьей – гора, из-за которой в моем ноутбуке не работает Интернет и часто не ловит мобильник. Потому что большая часть села и телефонная вышка за этой мощной горой. А у нас – отросточек деревни у реки, можно сказать – волчий хвост. Холмы утыканы деревенскими домиками, маленькими, бревенчатыми. Они черного, от времени, цвета. Раньше это было большое село с большим совхозом, но в девяностых годах прошлого века все разрушилось. Молодые жители разъехались, потому что работать стало негде. Остались только старушки, такие же древние и сторбленные, как домики. Сельчане уехали в город, а горожане выкупили у них дома под дачи. Потому что место было чудо как хорошо, а в домиках можно было по выходным нормально жить. Некоторые разобрали избышки и построили на их месте современные дома-дворцы. Мы тоже так когда-нибудь сделаем, папа обещает, но когда это еще будет? Пока у нас нет возможности построить здесь новый дом. Родители только недавно погасили кредит за городскую квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.